

28734

ТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Елена КОНОНЕНКО

Герой Советского Союза

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

В. ТАЛАЛИХИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1 9 4 1

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЕЛЕНА КОНОЕНКО

Герой Советского Союза

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

В. ТАЛАЛИХИН

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1941

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЛЕТЧИКУ-ИСТРЕБИТЕЛЮ
МЛАДШЕМУ ЛЕЙТЕНАНТУ
ТАЛАЛИХИНУ
Виктору Васильевичу**

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» летчику-истребителю младшему лейтенанту ТАЛАЛИХИНУ Виктору Васильевичу.

*Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН*

*Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. ГОРКИН*

Москва, Кремль, 8 августа 1941 г.

Герой Советского Союза младший лейтенант
В. В. ТАЛАЛИХИН.

«ИДУ НА ТАРАН!»

Ну и лунная же была ночка с 6 на 7 августа 1941 года!..

— Эх, жуки, луна-то какая над Москвой! В такую луну только с девчатами под яблонями разговаривать! — пошутил Виктор Талалихин.

Младший лейтенант, истребитель, любимец эскадрильи, умел шутить в самую трудную минуту жизни. Низкорослый, плотный, коренастый... И живой, как вьюн. Карие, с золотинкой глаза всегда посмеиваются, всегда горят веселым и жарким огнем молодости. Самый юный в эскадрилье. «Малыш», зовут его товарищи летчики.

— Эх, жуки, луна-то какая над Москвой! — снова повторил Виктор Талалихин. Но быстрые глаза его смотрели серьезно и пронизательно. Не о девчатах, не о яблонях думал Малыш. Кипело молодое сердце гневом к проклятому фашистскому воронью. Никогда Москва не казалась Виктору Талалихину такой любимой и прекрасной, как в эти ночи. Жарким взглядом обжег Малыш свой родной ястребок, который уже давно был наготове.

Раздался боевой приказ. Летит черное воронье, снова пытаюсь прорваться к Москве. Соколы смелые, вылетайте навстречу фашистским стервятникам!

Полетели наши советские истребители на перехват немецких бомбардировщиков.

В районе деревни Н. на высоте 4 500 метров был замечен фашистский самолет. Виктор Талалихин получил приказ перехватить проклятого врага.

Малыш молниеносно стартовал, набрал высоту и стремительно помчался наперерез фашисту.

Высоко взвился ястребок Малыша. Сейчас должна произойти встреча с гитлеровским разбойником. Только об одном думал Талалихин: скорей бы заметить ненавистную машину, броситься на нее, ранить ее смертельно, не допустить к родным воротам Москвы!

Зловещий фашистский бомбардировщик тяжело плыл по небу. Холеный гитлеровский подполковник, начальник экипажа, матерый фашистский волк, злобно предвкушал, как он будет бомбить столицу Советского Союза. Злодей уже мысленно видел, как разлетаются вдребезги наши любимые кремлевские звезды, злодей уже мысленно слышал, как кричат наши женщины и плачут дети. Этот плач советских детей и женщин казался самой желанной музыкой фашистскому людоеду. На его груди блестел железный крест, полученный им в 1939 году за зверскую расправу с поляками. На рукаве его серого ки-

теля красовалась фашистская эмблема за разгром Нарвика в 1940 году. Он торопил остальных трех, этот оголтелый гитлеровец. Скорей, скорей!

Малыш острым глазом наблюдал за небом. Он заметил вражеский самолет. Как вор и убийца, крался фашистский бомбардировщик к Москве.

«Ага, вот ты где, бандит, гадюка!..» И Виктор Талалихин решительно пошел на сближение.

Расстояние между ястребком и немецким бомбардировщиком все уменьшалось. Малыш зашел неприятелю в хвост и увидел фашистскую свастику. Черный паук! «Хейнкель»! Двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель-111»!

— Ты у меня сейчас получишь, собака! — прошептал Виктор Талалихин. Рука его твердо легла на гашетки пулеметов.

Стервятник встрепелся. Заметив опасность, он рванулся в сторону.

Не тут-то было!

— Не бывать тебе, гадина, над Москвой! — всердцах крикнул Талалихин и дал по фашистскому самолету первый залл. Прицел был меток. Правый мотор «Хейнкеля» вспыхнул, задымился. Первая же очередь свинцового огня нанесла ему рану. «Хейнкель» не ответил на огонь. «Хейнкель» прибавил скорость и пустился удирать.

— Нет, шалишь, фашистская сволочь! — крикнул юный пилот.

Крылатый конь Малыша встал на дыбы.

Сделав правый боевой разворот, он снова угостил «Хейнкеля» свинцовой очередью.

Ошарашенный фашист метался из стороны в сторону. Потом вдруг резко развернулся, изменил курс и пошел на снижение. Это была уловка. Малыш понял. Снижаясь, фашист хотел скрыться от погони.

— Понимаем... Впритирочку к земле хотим... Хвастуны!

Виктор Талалихин снизился вместе с бомбардировщиком до высоты 2 500 метров и продолжал стрелять.

— Вот тебе! Вот тебе, гадина! — шептал пилот.— За Москву! За Родину! За Сталина!

Пулеметы работали бесперебойно. «Хейнкель» не отвечал, стараясь увильнуть от напористого ястребка. Должно быть, неожиданная атака ошеломила немецких летчиков, и они еще не опомнились.

Смело подвел Малыш свой ястребок еще ближе. Только десять метров отделяли его от бомбардировщика.

— Получайте, гадюки! — и Малыш стал в упор расстреливать кабину неприятеля.

Заговорили пулеметы «Хейнкеля». Почуввав гибель, фашисты свирепо отбивались. Ливень пуль обрушился на Малыша.

Молодой лейтенант не растерялся. Движения его стали расчетливей и хладнокровней. И сказал себе Малыш строго:

«Не горячись, Витька, смотри в оба!»

То стремительно взвиваясь, то хитро падая, то снова взвиваясь, чтобы уклониться от свинцового ливня, ястребок продолжал

погоню. Руки Талалихина беспрерывно нажимали гашетку пулеметов. Шесть раз повторил молодой пилот свои атаки, мастерски прикрываясь... стабилизатором врага.

Не выдержал фашистский волк этой упорной погони и еще быстрее пустился наутек. Он был опытен. Ловко, умело ускользал от огня и шел вперед.

«Уйдет! — тревожно подумал Малыш, поливая врага горячим свинцом. — Уйдет, собака!»

И тут, как назло, иссякли все патроны.

— Уйдет, уйдет, стервец! — уже вслух сердито вскричал Талалихин.

Обида обожгла его сердце. Упустить из своих рук врага, упустить, когда он совсем рядом... Нет, это невозможно. Ни за что!

Малыш летел в хвосте бомбардировщика, напрягая мысли, принимая решение. Так они мчались оба, молча, несколько секунд...

Фашистский стервятник обрадовался: истребитель молчит. Стервятник улепетывал «на всю железку», как любят говорить пилоты. Малыш гнался за ним по пятам, соображая, что предпринять.

— Нет, не уйдешь! — упрямо крикнул Талалихин. — Иду на таран!

Он принял решение: беспощадно таранить врага.

— А ну-ка, саданем его, Витя...

Ястребок ловко подошел к бомбардировщику с хвоста. Вот он совсем близко. Уже видно его бронированное брюхо. Талалихин подстерег нужную секунду и размахнулся,

чтобы рубануть винтом по хвосту, отрубить хвост у черного гада...

Внезапно из хвостовой точки немецкого самолета сверкнул огонь. «Хейнкель» ударил по ястребку из крупнокалиберного пулемета.

— Ах ты, свинья немецкая! — вскрикнул Малыш.

Его лицо исказилось от боли. Фашистская пуля пролетела со свистом с правой стороны его кабины, сильно обожгла руку молодого пилота и вылетела рикошетом. Но еще сильнее, чем пуля, обожгла Малыша злость. Еще крепче сжала его раненая рука штурвал.

— Вот вы как... Хорошо же!

Виктор Талалихин резко дал газ и с богатырской силой обрушился на «Хейнкеля». Не винтом уже, а всей своей машиной, всем своим сильным ястребком протаранил бесстрашный комсомолец врага.

О чем он думал в этот миг, отважный юноша? Или, быть может, это мгновение было просто страстным порывом юного и гордого сердца? Нет, он думал. И думал отчетливо, с острой, как лезвие, злобой к врагу.

«Если я погибну, так один... а их четыре... Они летят на Москву... сволочи... Пусть я погибну, но они сдохнут все четыре!»

Раздался страшный треск. Охваченный жарким пламенем и дымом, «Хейнкель» рухнул вниз.

А ястребок Малыша? Ястребок перевернулся вверх колесами — ястребок ранен. Он не держится в воздухе. Еще секунда —

и погибнет отважный веселый Малыш, любимец всей эскадрильи, храбрый пилот, уничтоживший четырех фашистских головорезов и спасший десятки советских человеческих жизней.

Нет, не хочет погибать Виктор Талалихин. Он напрягает всю волю, все силы. Высота 2500 метров. Так. Надо выброситься с парашютом.

Малыш отстегивает левой рукой ремень, поджимает ноги, ползком добирается по борту ястребка до отверстия. И камнем летит вниз. Мысль его работает четко, холодно. Так учила Красная армия. Восемьсот метров летит молодой пилот затаженным прыжком, не раскрывая своего парашюта. Надо, чтобы падающий ястребок пронесся мимо, тогда можно раскрыть парашют.

И вот он слышит гул. Это пролетает мимо него раненый истребитель.

— Ну, теперь, Витька, пора... Раскрывай парашют!

Внизу — пламя горящего «Хейнкеля». Обожженными пальцами дергает он кольцо.

И вот он опускается в озеро... Фыркая, отряхиваясь, выплевывая противную стоячую воду с болотной тиной, Малыш выбирается на берег. Вот он стоит, мокрый с головы до пят. Струйки воды стекают с его осунувшегося лица. Он едва держится на ногах. У него горят виски. Болит рука. Первое, что ему почему-то хочется узнать — который час. Он всматривается в циферблат своих часов. Часы остановились. Стрелки показывают

23 часа 28 минут. Он озирается вокруг. И вдруг его охватывает чувство радости.

«Жив! Жив! Земля! Родная советская земля. Лягушки. Влажная пахучая трава. А те четверо подошли. Я их уничтожил. Я уничтожил их! Собакам — собачья смерть».

Малыш жив. Вот его ноги, вот его руки, вот его голос.

Он полон счастья, любви к родной земле, к Москве, к советским людям.

Советские люди... Вот они бегут прямо к берегу, прямо к нему. Бородатые колхозники, старики, парни, девушки, босоногие подростки.

Родные руки обнимают его, родные губы целуют его мокрые грязные щеки.

— Голубчик, жив?

— Соколик ты наш!

— Ай, батюшки, с эдакой высоты сиганул!

— Бабы, дайте человеку вздохнуть, разинули рты-то...

— Цел? Скажи хоть слово, сынок. Цел ай нет?

Родные русские голоса. Карие, с золотинкой глаза Талалихина загораются обычным огоньком, веселым и жарким.

— Цел, товарищи... Только вот воды малость хлебнул, — весело говорит Малыш.

— Батюшки! А рука-то! — пронзительно вскрикнула женщина.

Только сейчас все заметили окровавленную, повисшую, как надломленная ветвь, руку летчика. И сам Талалихин только сейчас

вспомнил о ней и сразу же почувствовал острую боль.

— Рука... — пробормотал он. — Обожгли... пулеметом.

Чьи-то ловкие девичьи пальцы бережно перевязали руку. Дружной гурьбой колхозники повели Виктора Талалихина в деревню. Пахнуло теплом избы. Кто-то стаскивал с него мокрые сапоги. Кто-то протягивал ему валенки, сухую рубаху.

— Не побрезгуй, родимый, чистая...

Появилась кринка с парным молоком. От молока пахло сеном, телятами, чем-то бесконечно родным. Талалихин сидел, как в своей семье, жадно ел свежий ржаной хлеб, пил молоко. На него с любовью смотрели десятки глаз.

И вдруг все увидели — он очень молод, совсем парнишка...

— Молоденький-то какой! — растроганно воскликнула одна из матерей.

Мужчины запрягли лошадь. Летчик Виктор Талалихин поехал в свою часть.

Друзья-пилоты, волнуясь, бежали навстречу.

— Малыш! Витька! Талалихин!

И слышали знакомый веселый голос Малыша:

— Эх, жуки, ночь-то какая лунная!..

Старый командир и учитель Талалихина, майор Королев, по-отечески обнял пилота.

— Товарищ командир, задание выполнено, — радостно отрапортовал Талалихин.

— Спасибо, — взволнованно ответил командир.

Недалеко от березовой рощи горел протараненный Виктором Талалихиным немецкий бомбардировщик. Гора обломков. Разбитые моторы, скрюченные крылья, обгоревший пропеллер, пулеметы. Вот все, что осталось от «Хейнкеля». Тут же валялись немецкие бомбы, патроны.

Малыш с товарищами примчался на автомобиле к березовой роще. Ему хотелось как можно скорее увидеть своими глазами трупы врагов. Но где же они?

— Где... эти? — жестко сказал Малыш, оглядываясь.

Протараненный бомбардировщик рухнул на землю с такой силой, что их выбросило далеко из самолета. Холеный подполковник, этот матерый гитлеровский холуй, лежал, вцепившись отполированными ногтями в землю. На барском пальце мерцал перстень с фамильным вензелем. На сером кителе — железный крест. «Асс!» Трое других были одеты в русские рубашки. Где они их украли, эти молодчики?

Виктор Талалихин сурово смотрел на распластанные трупы. Ничего, кроме отвращения, брезгливости и презрения к этим уничтоженным его рукой немецким летчикам, он не испытывал. Это были злодеи, которые хотели смерти его отчизне. Разбойники, которые зверски насильовали женщин и девушек, расстреливали детей, закапывали живьем

стариков. Палачи, которые протягивали свои кровавые, грязные лапы к Москве, к любимой столице. где камень каждого нового здания, ветка каждого нового дерева были политы потом советского человека.

В кабине вражеского самолета Малыш нашел план Москвы, браунинги, ножи. В карманах немецких вояк лежали пачки наворованных денег, штопор, порнографические открытки. Пададь, а не люди... Малыш отвернулся.

К сбитому самолету пришли местные колхозники, учителя, агрономы. Они смотрели на тлеющие обломки и трупы. Их лица были непримиримо жестки, как и лицо Малыша. Молчали. Молчание нарушила старушка.

— Касатик, — сказал она, поклонившись в пояс молодому бесстрашному пилоту, — ты их сбивай, супостатов, сбивай побольше. Но об одном тебя прошу — наловчись, касатик, так, чтобы они к нам в деревню не падали. Не интересно нам, чтобы они поганили нашу землю. Ты их в лесок, в лесок... Сбивай их над лесочком, касатик, тебе ведь все равно, где сшибать.

Малыш засмеялся. И все люди, которые собрались вокруг обломков, тоже засмеялись.

— Постараюсь, мамаша, постараюсь сшибать их над лесочком. А еще лучше — постараюсь, чтоб совсем они тут, гады, не летали.

Прибежали девушки.

— Где летчик? Который? — зазвенели радостные девичьи голоса. — Да неужели этот?

Протараненный Виктором Талалихиным вражеский бомбардировщик «Хейнкель-111» и убитые фашистские летчики. Среди них гитлеровский подполковник — матерый убийца, имевший отличия и награды.

Фашистские молодчики экипажа протараненного вражеского бомбардировщика, фотографировавшиеся у своего самолета незадолго до их попытки прорваться в Москву. (Снимок найден у одного из убитых фашистов.)

Оглянулся на себя Виктор Талалихин: а ведь и впрямь не похож на летчика — огромные дедовские валенки, крестьянская рубаха, старенький, продранный на локтях свитер с чьего-то плеча... Он смущенно и досадливо подтянул штаны. Зарумянившись, одна из прибежавших девушек протянула Талалихину букет полевых цветов, еще мокрых от росы. И, звонко рассмеявшись, убежала к подружкам.

Все любовались молодым летчиком. Старая крестьянка рассказывала:

— Наша изба на самом краю. Мы первые заметили — самолет немецкий упал, горит. А наш малец, вот этот, — много ли годков-то ему, от горшка два вершка, — как с постели вскочит, шапку в охапку — и к дверям. «Куда ты, глупый? Опомнись, ночь на дворе, пожар, мало ли что там, мало ли люди какие там злые, изувечат тебя. Нечего там тебе смотреть». — «Да не смотреть я, — кричит, — врагов ловить! А ну как они живьем из самолета выскочат, ловить их надо, бабушка». И что ты тут будешь делать, ведь первым побежал, пострел..

Талалихин притянул к себе левой рукой зардевшегося мальчишку-пионера. Он подмигнул ему лукаво и нежно, как товарищ товарищу. Пилот понимал его пионерскую душу, полную восторга и большого задора. Еще бы не понимать! Да ведь сам он не так уж давно был пионером.

...Рано утром все москвичи, все жители советской земли слушали по радио о смелом

таране Викторе Талалихине. Слушали и говорили с восторгом и благодарностью:

— Какой богатырь! Какая железная воля! Это настоящий сын Родины. Спасибо ему. Хоть бы посмотреть одним глазком на него.

Наутро все увидели в газетах портрет Виктора Талалихина и снимок с протараненного им немецкого бомбардировщика, возле которого лежали четыре фашистских трупа. У Виктора оказалось совсем юное лицо. Комсомолец. Двадцатитрехлетний простой парень. Таких у нас тысячи.

Мы все смотрели на это милое молодое лицо, мы читали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчику-истребителю, младшему лейтенанту Талалихину звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». И думали: «Значит, и я могу быть таким?»

В самом деле, кто такой Герой Советского Союза Виктор Талалихин, откуда взялась в нем эта богатырская сила, эта стальная воля, эта непримиримость к врагам трудящегося человечества и страстное желание сокрушить их, сокрушить любой ценой?

Почему с таким восторгом и твердостью, с таким презрением к смерти говорит он себе, мчась в высоком советском небе наперез фашистским стервятникам: «Иду на таран»?

...Героя не было на свете, когда белогвардейцы зверски расстреляли его брата Павлу-

шу. Мать носила Малыша под сердцем, когда кровопийцы-кулаки схватили партизана Павлушу Талалихина — такого же кареглазого, как Виктор Талалихин, такого же горячего, честного, полного жажды жизни, такого же юного... Нет, он был еще моложе, Павлуша Талалихин. Ему едва минуло семнадцать лет.

Семья Талалихина жила в волжской деревне Тепловке. Василий Иванович был штукатуром. Часто уходил за Волгу на заработки. Вера Ивановна оставалась с тремя сыновьями: Павлушей и малолетками Колей и Шурой. Жили бедно. Была заветная мечта: хоть бы выучить старшего, Павла, хоть бы вывести его в люди. Вот для этого и гнула целыми днями спину Вера Ивановна, для этого и уходил так часто за Волгу Василий Иванович. Как они радовались, когда Павлушу приняли в семинарию! В новой рубаше, в новом картузе, счастливый, взволнованный, поехал Павлуша учиться в город Вольск.

В первые же каникулы мать не узнала своего любимца. Он стал молчалив. Брови над его карими глазами были сдвинуты. Он часто задумывался, глядя в одну точку.

— Ты что, сынок, ты о чем все думаешь? — тревожно спрашивала Вера Ивановна.

Павлуша вздрагивал, улыбался:

— О жизни думаю, мама...

— О жизни? Да неужто, кроме тебя, сынок, некому о жизни подумать? Шел бы в бабки играть.

По ночам Павлуша читал книги. Засветил лампу и читает.

— Павел, керосин жжешь! — прикрикнула раз всердцах мать.

— Ах, мама, кабы ты знала, какие интересные книги я читаю! Ты бы обмерла, — отвечал ей Павлуша.

Матери стало страшно. Тайком собрала книжки, которые сын прятал под половицей, привязала к ним камень, снесла на пруд, утопила.

В эту ночь Павлуша не жег керосина. Лежал в темноте с открытыми глазами.

— Ты серчаешь, сынок? — спросила мать виновато.

— Такие книжки в огне не горят и в воде не тонут, мама, — серьезно ответил Павлуша.

Скоро за недозволенное чтение Павлушу выгнали из семинарии. Вместе с ним из семинарии выбросили еще семь подростков. Вера Ивановна тихо плакала.

— Рисковый ты у меня. Отец на войну пошел. Тебя выгнали. Хлеба нет. Что будем делать?

А потом началась гражданская война. В Тепловку пришла Красная армия. Уходили отряды добровольцев на фронт драться с денкидцами, с колчаковцами. Уходили драться за землю свою, за счастье свое, за детей своих...

Павлуша записался в партизанский отряд. Он ворвался в избу, как свежий весенний ветер. Его глаза горели.

— Ну, матушка родимая, до свиданья, — сказал он, — уйду с партизанами белых бит.

Вера Ивановна всплеснула руками. Она стала бранить Павлушу:

— Лыком шита, да ведь мать я... Ты бы, негодник, мать спросил. Чего ж ты наделал? Не позволю тебе итти!

— Нет, пойду, — твердо сказал сын. И сжал плотно губы. Вот так же сжимает губы Малыш, когда что-нибудь твердо задумает.

Мать заплакала. Босоногие Шурка и Коля подбежали к ней, стали гладить, утешать.

— Глупые вы мои, желанные вы мои, помрете с голоду, — прошептала мать.

— Не помрут! — резко вскричал Павлуша, собирая походный мешок. — За то иду, чтобы жили.

— Не помрем, — повторили, как эхо, Шурка и Коля, утирая мокрые от слез глаза.

Шурка и Коля не померли. Александру Талалихину сейчас двадцать восемь лет. Он бортмеханик. Награжден медалью «За отвагу» в боях с белофиннами. Николаю Талалихину — двадцать шесть лет. Он морской летчик. Летает на бомбардировщике. Имя его знают во флоте. «Равняйтесь на экипаж Николая Талалихина», говорят в Мурманске. Оба они коммунисты. Оба сейчас на фронте и соревнуются с Виктором Талалихиным, с Малышом, со своим младшим братом, истребителем.

...Павлуша ушел драться с белогвардейцами, за мать, за отца, за Шурку и Кольку, за бу-

душую жизнь Виктора Талалихина. В драном пальтишке, в худых сапожонках, голодный, счастливый, пробирался Павлуша сквозь леса, сквозь болотные топи, не щадил своих сил, не жалел своей юности.

И вот он погиб. Тепловка попала в лапы к белым кровососам. Павлуша пришел навестить мать, которая должна была скоро родить. Она должна была родить Малыша, этого бесстрашного пилота-тарана.

Вера Ивановна спрятала Павлушу в погреб. Павлуша сидел в темноте и сырости. И вот решил выбраться хоть на несколько минут, чтобы взглянуть на Шурку и Кольку. Мать заперла избу, завесила окна, вскипятила чай, сварила два припасенных яичка сыну. Павлуша сел за стол. К нему ласково жались Шурка и Колька.

Раздался грубый стук в дверь. Кулачье подсмотрело и выдало Павлушу белым офицерам.

— Вот этот парнишка у них, у красных... доброволец. Красный дьяволенок. Немало мы от него, змееныша, натерпелись...

— Ты за красных, щенок? — спросил офицер, наступая на Павлушу.

— Конечно, не за тебя, белая собака! — ответил гордо и просто Павлуша. И закачался от свирепой офицерской пощечины.

Мать ахнула. Повалилась в ноги белому офицеру.

— Встань сейчас же, — по-мужски сказал ей Павлуша.

Она встала, прикрывая руками живот, в котором уже дышал Малыш. Павлушу повели. Они били его прикладами, эти сволочи.

— Мама, родная! Шурка! Колька! Прощайте. Не боюсь я смерти от белых гадов! — крикнул Павлуша страстным голосом.

Шурка и Колька схватили яички, которые так и не успел съесть Павлуша, и побежали за братом.

— Павлуша! Павлуша! Возьми! — звали они.

Мальчуганы догнали любимого брата, обняли его ноги в худых сапожонках. Белогвардеец, как котят, схватил Кольку и Шурку за шиворот и швырнул их в канаву. Покатились яички, припасенные матерью для сына...

Эту минуту своей жизни никогда не забудут Александр и Николай Талалихины. Не забудет ее и Малыш, хоть он и родился на свет только на другой день после расстрела Павлуши.

Мать и отец часто рассказывали всем трем сынам своим о погибшем брате.

— Сынки наши, — говорили они, вглядываясь в лица трех мальчиков и словно отыскивая в них родные черты первенца. — Сынки наши, будете большие — отомстите за нашего Павлушу.

— Я отомщу! — говорил Колька.

— Я отомщу! — отзывался Шурка.

— Я отомщу! — жарко восклицал самый младший, которого звали в семье «Титёк».

Титёк — это Виктор Талалихин. Так прозвали его вольские мальчишки. Колю прозвали «Безменом», Шурку — «Жуком».

Титёк, Безмен и Жук жили в зеленом кудрявом городе Вольске, у Волги. Василий Иванович и Вера Ивановна Талалихины продали в Тепловке избенку, переехали на житье в Вольск. Здесь было много работы для штукатуrow.

Рано утром Василий Иванович отправлялся на работу. С ним ходили все три мальчика. Титёк, маленький, коренастенький, крепкий, как гриб боровик, шел вразвалочку сзади всех. Он нес ведро.

У Василия Ивановича были золотые руки. Он любил работать и умел все делать весело. Волжские штукатуры звали его «наш Чапай». Василия Ивановича, отца трех пилотов, и сейчас зовут московские рабочие «Чапаем».

Василий Иванович называл сыновей, которые помогали ему штукатурить, «моя артель». Мальчики гордились этим. Не стесняясь перед школьными товарищами своих испачканных известкой и краской рук и щек, они шагали по городу за отцом: впереди Шурка-Жук, за ним Колька-Безмен и позади Витя-Титёк.

— Эй, Титёк — звали Витю Талалихина сверстники, — куда идешь?

— На работу. Не видишь, что ли? По штукатурному делу, — важно отвечал Титёк, гремя своим ведром.

Дети помогали и матери. Вера Ивановна как-то посетовала:

— Трое мальчишек и ни одной девчушки, некому матери помочь.

— А что тебе помогать-то? — спросили мальчики.

— Да хоть бы пол помыть.

Однажды она пришла с базара и схватилась за голову: вся комната была залита водой. Шура, Коля и Витя, засучив высоко штаны, ползали по полу, споря, кому какие половицы отмывать от грязи. Все вокруг было забрызгано водой. Мать и журила и смеялась. Она взяла в руки тряпку и показала, как надо мыть пол.

В следующие разы все шло хорошо. Особенно ловко мыл пол Коля.

Братья ездили также на пароме за Волгу рвать траву для коровы. Они возвращались с Волги румяные, свежие, веселые — с огромными мешками травы за плечами. А Титёк постоянно был мокрый с ног до головы. Он любил плавать и легко переплывал Волгу. Он играл и резвился в воде, как рыба.

У всех трех мальчиков были свои детские страсти. Шура — бортмеханик — был серьезный рыболов. Он мог долго просиживать над Волгой с удочкой в руке. Он возвращался домой только к вечеру с огромной связкой рыб, которая называлась «косыри». За ним постоянно тащились кошки. Вереница кошек, которым Шура милостиво бросал мелкую рыбешку.

Коля и Витя были страстными голубятниками. Часами сидели они на своей старой высокой голубятне, запуская голубей и следя за

их полетом. Кто знает, может быть, именно здесь зародилось у братьев желание стать летчиками...

Однажды отец сломал голубятню: мальчишки непрерывно таскали у матери пшено для своих голубей. Коля сидел на крыльце и плакал. Титёк смотрел на отца исподлобья. Он не любил плакать. Сердце матери сжималось от боли. Ей и самой было жаль голубей. Она любила птиц.

— Отец, отец, полно тебе, не надо, — уговаривала она Василия Ивановича, когда он пошел разрушать голубятню. — Отец, полно тебе, батюшка, остынь...

Василий Иванович не послушался. Рухнула старая голубятня, милая сердцу Вити Талалихина. Но Малыш был упрям с детства. Не проронив ни одной слезинки, он собрал голубей в корзину и ушел на чужой двор.

Мальчишки росли крепкими, выносливыми, ловкими. Все трое были отчаянными озорниками. Но из трех озорников самым главным «озорничием», как любила говорить мать, был младший — Титёк. Непоседа, живой, как выюн, ловкий, как белка, веселый, как скворец. Любил Витя лазить по деревьям, забирался на самые верхушки. Мать видела эти проделки, крестилась и говорила:

— Рисковый! Что же это ты делаешь? Ведь сорвешься — костей не соберешь.

Как-то Витя сорвался. Он вывихнул себе правую руку.

Семья собиралась обедать. Как ни в чем не бывало пришел Титёк. Сел за стол. Правая

рука висела, как плеть. Он ее прятал. Мать заметила.

— Ты что руку прячешь, озорничил?

— Да ничего, мама, — весело ответил Витя. — С чем у нас сегодня похлебка?

— Ты мне зубы-то, милый, не заговаривай! Покажи руку. Что с рукой?

— Сломал, кажется, — смущенно ответил Витя.

Когда рука зажила, Малыш снова принялся лазить по деревьям. Потом появилось новое увлечение — стрелять из самодельного лука. Стреляли все три брата. Особенно любил стрелять Витя и Коля. И вот как-то нечаянно стрела попала соседской девочке в лицо. Девочка громко заплакала.

— В глаз, в глаз! Ослепла! Батюшки мои! — раздались крики женщин.

Витя и Коля побледнели, пустились бежать.

— Ты слышал? Девочка будет слепая, — прошептал Витя.

— Злодеи мы, нет нам теперь прощенья, — отозвался Коля. Они были баловные, но добрые ребята. Они не хотели зла соседской девочке.

Девочка не ослепла: стрела пролетела мимо глаза и только оцарапала щеку. Но они уже представили себе ее слепой и мучились. Они решили уехать на пароходе из родного города, быть грузчиками, заработать много денег и, вернувшись, построить слепой девочке красивый дом с фонтаном, чтобы хоть чем-нибудь загладить свое преступление.

Мальчишки примчались на пристань и спрятались в трюм парохода. Через два часа их извлекли из трюма кочегары. Мальчишки поплелись обратно. Была осень, на улицах намело ветром кучи желтых листьев. Мальчишки думали о слепой девочке. Они легли в канаву и зарылись в листьях. Так они пролежали до темноты.

Вера Ивановна места себе не находила от тревоги. Уже зажглись огни, пошел дождь, а ребята все не возвращались.

«Уж не в Волгу ли кинулись, бедовые?» мелькнула страшная мысль.

— Отец, да что же это ты, милый, такой спокойный сидишь? Поищи, Василий Иванович, ребят-то, аль они тебе не сыны?

— Не пойду искать, — отрубил Василий Иванович. — Не иголки, не потеряются.

Тогда мать стала просить Шурку и Гóроньку (был такой сирота-подросток, приютила его семья Талалихиных):

— Гóронька, Шурка, бегите ребят искать...

У Шурки и Гóроньки были хитрющие лица. Они знали: проходил милиционер мимо канавы, где под ворохом листьев лежали братья. Что за куча? Пошевелил ногой. Смотрит — торчит из-под листьев круглый ребячий задок. Шлепнул его милиционер и засмеялся. И вытащил ребят.

— Вы что тут делаете, курносые?

— Обдумываем положение, — бойко ответил Титёк.

Повел милиционер мальчуганов домой,

встретил на дороге Гóроньку и передал их ему. Гóронька спрятал беглецов.

— Мама, а ругать не будешь Кольку с Витькой? — спросил Шурка-Жук. Все три брата были очень дружны и заступались друг за друга.

— Не буду, найдите только, сердце мое горит...

Вскоре Шурка и Гóронька торжественно привели беглецов. Утром им все-таки досталось на орехи от Василия Ивановича. Вите Талалихину вообще частенько влетало от отца и матери.

Бывало нальет в бутылку воды с известкой, зароет эту бутылку в песок. Трах! Выстрел. Бутылка лопнула. Летит песок во все стороны.

— Взрыв! — кричит восторженно Витька, протирая засыпанные песком глаза.

— Я тебе покажу взрывы устраивать, озорничище! — крикнет всердцах мать и отдерет его больно за ухо. — Иди на все четыре стороны, ты мне не сын, иди сейчас же!

Чудной был Витька. Возьмет мешочек в руки, поклонится матери, братьям, скажет:

— Мам, хлеба горбушечку на дорожку можно взять?

— Не дам я тебе хлебушка, ты мне не сын. Ступай куда хочешь, ищи хлеб, где знаешь.

— До свиданья, мама, Жук, Безмен. Прощайте, — грустно скажет Витя и уйдет со своей котомкой за ворота.

А Вера Ивановна уже мечется по двору и

посылает Шуру или Колю вернуть «озорничше».

— Верните его, я ему уши надеру!

Как-то зимой мать с Шурой и Колей ушла на базар за покупками, а Титёк остался дома. День был морозный. Пришли озябшие.

— Мама, а я вам самоварчик согрел, садитесь, грейтесь! — торжественно заявил Витя.

Мать обрадовалась, умилилась. Хорошо с мороза чайку попить.

В характере Витьки Талалихина начались некоторые перемены с того дня, когда он примчался из школы с красным галстуком, повязанным прямо на голой загорелой шее.

— Мам! Пап! Пионер я... так что вот, значит, теперь... пионер я! — выпалил Витька, захлебываясь от волнения.

— Что же теперь-то? — усмехнулся Василий Иванович, любуясь воинственной физиономией сына.

— Так что теперь, значит, вот... — загадочно улыбаясь, повторил Витя.

— Теперь держись, Титёк, зададут тебе пионеры перцу! — сказал отец.

В этот вечер особенно долго и хорошо рассказывали отец и мать ребятам о расстрелянном кулачем и белыми офицерами Павлуше.

— За тебя, Титёк, погиб Павел! Слышишь, глупый, за тебя!

Витя слушал серьезно, жадно, карие его глаза горели.

Вся босоногая команда надела красные пионерские галстуки. Это были первые пио-

нерские отряды в городе Вольске. Костры и шалаши в лесу... рыбалки... разговоры о будущем... мечты о покорении Марса... первая модель самолета, сделанная руками Витьки...

Учились братья хорошо. У Витьки была чудесная, редкостная память. Теперь он стал учиться еще напористей, и учительница реже жаловалась на то, что он вертится во время уроков. Вообще Титёк стал солидней. В городе открылась летная школа. В небе зажужжали самолеты. Лежа с товарищами на обрывистом берегу Волги и задрав нос к небу, Витя прислушивался к жужжанию самолетов.

Скоро он объявил, что будет летчиком. Это было еще неосознанное желание. Все мальчишки хотели быть летчиками. Все до одного. Дом Талалихиных теперь был завален стружками, обрывками бумаги, старой проволокой. Братья, серьезные, нахмуренные, важные, яростно строили межпланетные воздушные корабли.

— Ну, полетела наша артель! — шутил Василий Иванович.

Вера Ивановна радовалась тишине, возникшей в доме.

Братья сооружали свои самолеты в глубочайшем молчании, которое только изредка нарушалось короткой ссорой из-за молотка или клея.

— Доброго здоровьица, Василий Иванович! Как жизнь? Что новенького? Что-то ваших ребят не видать? — спрашивали соседи, к которым мальчишки вдруг перестали лазить за яблоками.

— На Марс летим, — отвечал штукатур, весело подмигивая в сторону своего дома. Там на полу, сопя носами, трудились братья Талалихины.

Все было хорошо до того дня, пока Титёк не построил парашют собственной конструкции.

А когда он влез с этим парашютом на крышу и торжественно сбросил вниз затычным прыжком соседского кота, снова начались в доме волнения. Каждый день летали кошки с парашютами вниз на мостовую, оглашая улицу отчаянными воплями. Витя Талалихин стоял во весь рост на крыше. Ветер развеивал его кумачевый галстук, повязанный вокруг голой шеи. Витя замирал от восторга и гордости. Пожалуй, он и сам в один прекрасный день попробовал бы спрыгнуть. Но соседи пожаловались в школу, и Витьку долго и гневно «прорабатывали» на совете пионерского отряда. Витька сидел красный и сердитый, как индюк. А востроносенькая белоголовая девочка, председатель отряда, жестоко отчитывала Талалихина. Это было ново для Витьки. Впервые узнал он, что такое пионерская дисциплина. Он вернулся домой задумчивый, недовольный. А ночью плакал скупыми мальчишечьими слезами.

Кошек он больше не сбрасывал...

Семья Талалихиных переехала в Москву. Василий Иванович поступил работать штукатуром на Мясокомбинат.

Витя Талалихин приехал в Москву четырнадцатилетним крепышом-подростком. Загорелое и обветренное лицо. Жадные глазищи. Впервые увидели эти глаза столицу, которая потом стала ему родным домом.

Малыш поступил в ФЗУ Мясокомбината. Малыш стал шпигорезом. Он деловито учился и работал в цехе. И очень скоро стал любимцем не только всех фабзайцев, но и рабочих, которым нравилась его веселость, живость, выносливость, его готовность отдать товарищу последнюю горбушку хлеба.

Снова Малыш стал вожаком ватаги. Теперь это была ватага подростков. За ним, за Витькой Талалихиным, шла эта ватага на футбольные матчи, на турники, на московские крыши, откуда попрежнему сбрасывал юный шпигорез свои парашюты.

Что утаивать, и здесь Витя сбросил с крыши трех московских котов.

Однажды Малыш забрел в клуб комбината. Здесь репетировали рабочие спектакль «Платон Кречет». Роль старого врача Бублика никак не удавалась. Малыш слушал-слушал и, смущенно покашливая, предложил сыграть Бублика. Рабочие хохотали: этаким шестнадцатилетний шпингалет хочет играть старика, да еще доктора! Фаина Петровна Ольшаная, организатор культурной работы в цехах (ныне большой друг летчика), выгнала Витьку и всю ватагу его приятелей.

Витя был упрям, как всегда. Он все-таки выучил роль Бублика и заставил себя выслушать. С первых же слов, произнесенных Ви-

тей Талалихиным, драмкружковцы поняли, что это его, именно его роль. На спектакле Малыш играл Бублика с таким чувством, так наивно и чисто, что зал был в восторге.

С этого дня на Мясокомбинате стали звать юного шпигореза Талалихина «Бубликом» или «Терентием Осиповичем». Бесконечное количество раз сыграл Талалихин свою роль.

Ольшаная принялась воспитывать Бублика. Витя стал читать книги, знакомился с музыкой и живописью. Любимыми его книгами были книги о гражданской войне и летчиках. Из рук Ольшаной получил он первую книжку о великом советском летчике Валерии Чкалове. Молодой шпигорез влюбился в Чкалова, нашел в нем себя, какие-то свои черточки, свои достоинства, свои недостатки. Это был герой его отрочества.

— Мы оба с Волги, — говорил он радостно ребятам, — мы рискованные!

— С Волги-то, с Волги, да ты колбасник, а он пилот!

Виктор злился.

Шло время. Призвали Шуру-Жука в ряды Красной армии. Шура попросился в авиацию. Мать встревожилась:

— Опасное дело, сынок.

— Мать, — волнуясь, ответил Александр, — не ты ли учила нас отплатить за Павла? Буду летчиком, придет час — отплачу с воздуха...

— Пусть летает, — сказал Василий Иванович.

Когда Александр приехал в отпуск в синем,

с голубыми петлицами френче, Витя даже застонал от восхищения и зависти.

— Мама, и я хочу!

— Сиди ты, Титёк, время твое не пришло! — прикрикнул отец.

У Коли-Безмена тоже загорелись глаза. Однажды он получил в цехе своем билет на право полета в самолете-гиганте «Максим Горький». Он вернулся после полета сам не свой.

— Уйду летать! — заявил он родителям.

Он добился своего. Комитет комсомола строительства комбината уважил его просьбу и отправил в гидролетную школу.

Они остались втроем: отец, мать и Витька. Малыш сидел пригорюнившись. Шумно вздыхал. Потом хлопнул дверью, ушел...

— Мать, а ведь и этот улетит, честное слово, улетит! — с затаенной радостью воскликнул Василий Иванович.

— Да что ты еще, отец! Вот тоже мелет, сам не знает что. Не пущу я Виктора никуда. Пусть хоть один при мне на земле будет. Ведь малолеток он!

Через три дня Виктор бомбой влетел в деревянный барак, где жила в то время семья Талалихина.

— Записался! Летать буду! В аэроклуб записался! Летать буду! Честное пионерское...

Мясокомбинат помог юному шпигорезу и устроил его в аэроклуб. Занимался Малыш усердно и с первых же дней прославился смелостью.

Но были случаи, когда Малыш проявлял воздушную удачу. Были случаи, когда сажали его на гауптвахту.

Радуюсь летным успехам сына, отец и мать купили ему кожаные рукавицы.

— Вот тебе, сынок, голички. Береги их — двадцать девять целковых за них уплачено. Немножко велики, зато надолго, — гордо сказала мать.

Виктор, которому уже минуло семнадцать лет, обрадовался голичкам, как ребенок. В тот же день полетел он в своих новых рукавицах. Летел, летел да и перемахнул через зону. Колхозные девчата стирали белье. Малышу захотелось сорвать платок с какой-нибудь девушки, и он лихо пошел на снижение. Совсем близко белели девичьи платки. Протянул руку, чтобы помахать девчатам, и уронил нечаянно одну рукавицу. Девушки с визгом бросились врассыпную.

Расстроенный потерей рукавицы, Малыш полетел обратно. Кожаная голичка его выдала. Девчата принесли ее в клуб. Командир вызвал юного учлета.

— Талалихин, кто вам разрешил перелетать зону? Кто вам разрешил заниматься ухарством в воздухе?

— Товарищ командир... — лепетал красный, сконфуженный Малыш. — Товарищ командир... я хотел... я думал... Товарищ командир, а как же Валерий Чкалов под мостом летал?

— Идите под арест, — сурово сказал командир.

Командиры долго думали о способном Талалихине. Летает прекрасно, но какой же пожар в голове, как глуп еще!..

— Надо воспитывать парнишку, — сказал командир, — надо помочь ему разобраться, где начинается настоящая смелость, а где ухарство.

Комсомол! Вот кто должен взяться за этого неугомонного парня.

Малыш вступил в ряды комсомола.

С этого дня за Виктора Талалихина взялись комсомольцы-колбасники. Неотступно следили за каждым его шагом, как умели—учили, как умели — ругали, как умели — хвалили. И все вместе ходили смотреть на его полеты.

Пришел день, и Малыш горячо распростился с товарищами-шпигорезами, обнял своего лучшего друга слесаря Мишу Белоказанцева и по комсомольской путевке поехал в летную школу имени Чкалова. Комсомольцы-колбасники передали Виктора Талалихина комсомольцам-пилотам.

Вот тут-то и началась настоящая, серьезная летная и комсомольская жизнь Малыша. Учился он отлично.

— Этаким малыш — и такие показатели, — довольно говорил капитан Баулин. Капитан Баулин и командир группы лейтенант Павел Коптяев были учителями Талалихина.

Когда в Малыше начинал «играть бесенок», его крепко пробирали комсомольцы. Были дни, когда Малыш хмурился. Был день, когда он получил от комсомольской организации строгий выговор и сидел такой же красный,

сердитый и надутый, как в тот час, когда его отчитывала востроносенькая белоголовая девочка. Потом выговор сняли за отличные успехи и отличную дисциплину.

Но в те часы Талалихин бурно переживал комсомольские уроки. Его обуздывали, как дикую степную лошадь, а ему казалось, что ему мешают летать, сковывают его силы, его смелость.

— Как же Чкалов? Как же Чкалов?.. — негодовал он.

— Ты, пожалуйста, к Чкалову не примазывайся, ты сам себя создавай, — строго говорили товарищи комсомольцы.

С какой благодарностью в дни финского фронта вспоминал истребитель Виктор Талалихин товарищей комсомольцев! Да и после этой горячей ночи с 6 на 7 августа он их вспомнил. Это они помогли ему вырасти в зрелого пилота, умеющего управлять своей волей и чувствами.

Малыш хорошо сдал выпускной экзамен и пришел в летную эскадрилью. Майор Михаил Иванович Королев, опытный и заслуженный летчик, стал его учителем и начальником. Майору Королеву понравился юный горячий истребитель-комсомолец. Многому научил майор Малыша.

А на финском фронте Малыш спас майора от смерти.

Виктор Талалихин в боях с белофиннами сделал 47 боевых вылетов. Он получил уже в те дни орден «Красная Звезда».

Своего командира Малыш спас так. Он и

майор полетели на штурмовку врага. Летят, расстреливают пехоту белофиннов. Вдруг Малыш замечает: по майору Королеву, по его любимому учителю, быют с земли. Со всех сторон летел свинцовый огонь. Малыш не раздумывал долго. С малых лет он был верным товарищем. Он прикрыл своей машиной майора, взял огонь на себя. Он вернулся на аэродром на изрешеченном пулями самолете. Но был жив, а главное — был жив майор.

— Спасибо, Малыш!

Михаил Иванович Королев прижал к сердцу молодую голову ученика.

В боях с белофиннами Виктор Талалихин потерял своего хорошего товарища, молодого истребителя, татарина Гумара Аюпова. Смерть Гумара потрясла Малыша. Он поклялся отомстить за товарища, и в тот же день в лесу, на озере, летчики-коммунисты обсуждали заявление комсомольца Талалихина о приеме в ряды партии.

Смерть Гумара была страшной. Летели на штурмовку. В машину Гумара попал снаряд врага. Что-то отлетело от самолета, самолет рухнул в озеро. Когда товарищи увидели, что Гумар упал, пилот Сергей Костенко бредущим полетом пошел вниз — хотел посадить к себе в кабину раненого товарища. Гумар не выходил, повидимому он был убит.

Вечером вылетел на разведку к озеру Малыш. Гумар словно почувствовал друга, вылез из кабины, поднял руку и упал без чувств.

«Погиб!» горько подумал Малыш.

Ночью Малыш и другие пилоты снова полетели к озеру.

— Пусть он мертв, но мы его возьмем, мы отдадим последний долг дорогому товарищу, — сказал Малыш.

К телу Гумара ползли одновременно с двух сторон — с нашей и с неприятельской. Наши опередили.

Гумар оказался жив, хоть и тяжело ранен в голову, в грудь, в живот.

— Профессор, — умолял Малыш старого хирурга, — спасите Гумара!

Это было трудно, но старый профессор спас Гумара.

Будучи сам раненым, профессор сделал сложнейшую, искуснейшую операцию черепа молодому Гумару.

— Ваш товарищ будет жить! — сказал профессор.

— Слава вам, товарищ профессор! Честь и слава вам от имени советской авиации, — ответил Талалихин.

После всех героических усилий пилотов, спасших друга, после блестящей операции самоотверженного хирурга, которая бы восхитила всех ученых мира, после того, как Гумар улыбнулся и прошептал: «Живем, Малыш», и Малыш ответил ему: «Живем, живем, жуж дорогой», — фашисты разбомбили санитарную палатку. Гумару оторвало голову.

Слова проклятия вырвались из уст Малыша. У трупа комсомольца Гумара вся эскадрилья поклялась отомстить за молодую жизнь.

Через час после гибели друга Малыш на-

писал заявление о приеме его в ряды коммунистической партии.

* * *

Вот кто такой Герой Советского Союза Виктор Талалихин. Вот откуда взялась в нем эта богатырская сила, эта железная воля, эта страстная непримиримость к подлым врагам трудящегося человечества, это благородное презрение к смерти.

Вот почему, увидя черного фашистского ворона, Виктор Талалихин без колебаний вскричал:

— Иду на таран!

...Свидание Малыша с отцом и матерью после героического боя в ночь на 7 августа произошло словно в сказке.

Вера Ивановна и Василий Иванович пошли вечером, как обычно, в клуб Мясокомбината. Они шли молча, эти два старика. Они не решались спрашивать друг друга о своих сынах.

Мать села на диванчик, слушала радио и думала о сыновьях.

И вдруг по радио рассказали о молодом герое — таране Талалихине. Рассказали коротко. Шесть, семь фраз... Радио смолкло. Вера Ивановна приподнялась с дивана и снова упала на него. Эта крепкая, крупная, сильная волжская женщина стала вдруг слабой, как ребенок.

— Ивановна, твой? — подбежав к ней, спросили работницы.

— Мой, — прошептала мать побелевшими губами,

— Который?

— Не знаю.

Мать трясло, как в лихорадке. Прибежал Василий Иванович. У него дрожали руки.

— Имя-то, имя не слышали?

— Никто не запомнил.

— Бомбардировщик аль истребитель?

— Истребитель.

— Титёк! — воскликнул отец.

Радио молчало. Он метнулся к телефону. Куда звонить?

Женщины собрались вокруг матери, гладили ее трепещущие руки.

— Да ведь жив он, Ивановна, жив... и герой... Не убивайся, Ивановна, жив он... — повторяли они.

Толком никто ничего не знал.

— Витенька, кровь ты моя, последышек ты мой родной, малолеток ты мой! Увижу ли тебя, жив ли ты? — по-волжски приговаривала, плакала мать. Она до сих пор считала своего Виктора «малолетком».

— Обязательно жив, мамаша. Вот я, мамаша, налицо! — раздался громкий голос.

В дверях стоял Малыш. Одна рука его была забинтована. Карие веселые глаза вспыхивали золотыми лукавыми огоньками.

— Витька! — закричал Василий Иванович.

Слезы покатались из глаз старого штукара. А у матери глаза тотчас же высохли.

Удивительная женщина Вера Ивановна! Она встала во весь рост, оправила на себе прямое платье, платок и плавной, гордой походкой приблизилась к сыну.

— Ты что руку-то прячешь, озорничище? — сказала она так строго, как десяток лет назад, когда Титёк, летая с дерева на дерево, вывихнул себе руку.

— Вот она рука, мамаша, работает! — засмеялся Виктор. Он обнял мать, и она расцвела, как семнадцатилетняя девушка.

— Ну и озорничище ты у меня, ну и озорничище! Да что ж ты наделал такое?.. Ну и озорничище!.. — смеясь и плача от счастья, повторяла мать.

— Мать, да за что ты меня бранишь-то? — растроганно сказал летчик, прижимаясь щекой к родной материнской щеке. — Папаша, никак я матери нашей не ужожу. Протаранил по ее заданию фашистского асса, а она меня все бранит... Заступитесь, папаша!

Василий Иванович улыбнулся сыну. Со всех сторон рабочие и работницы обступили Малыша.

— Да пустите вы меня-то! Господи, отца родного не пускают!.. — почти застонал Василий Иванович, пробираясь сквозь толпу, окружившую героя.

— Ну, здравствуйте, Виктор, — сказал торжественно Василий Иванович, приблизившись к сыну и называя его почему-то на «вы». — Слышим — Талалихин, а какой Талалихин — не знаем. По моим расчетам Колька или Шурка в герои-то раньше должны выйти, а выходит, вы, Виктор Васильевич, вы опередили. Спасибо, штукатур! — И отец поцеловал сына в губы.

К Малышу потянулись руки старых и молодых рабочих.

— Виктор Васильевич, спасибо тебе от нашего завода, от нашего Мясокомбината за оборону красной столицы нашей, Москвы... — начал кто-то торжественно.

— Какой я вам Виктор Васильевич! Будет вам! — засмеялся летчик.

В дверях стоял закадычный и верный друг юности героя — Михаил Белоказанцев, комсомолец-слесарь. Он только что пришел из цеха. Его лицо было выпачкано машинным маслом. Волнуясь, он теребил пышные свои волосы.

Смущенно кашлянул.

— Мишка! — радостно воскликнул Малыш. — Мишка, чорт, жук!

— Витька!

Юноши расцеловались. Старики-рабочие, одобрительно крякнув, поглаживали усы.

— Погодки наши... Как же... Вместе по чердакам лазили-то... — сказал кто-то из них.

Рабочие Мясокомбината радовались, как малые дети. Герой Советского Союза был их бывший рабочий, простой колбасник, которого они учили и журили так, что с него по семь потов сходило. И вот он распорол брюхо проклятому фашистскому стервецу, вон каких четырех волков свалил!.. И главное, чуть не прямо с поля боя, от всех командиров, от всего начальства, от всего почета приехал к ним на завод, к отцу, к матери.

Малыш извлек из кармана тусклый железный крест, нашивку за Нарвик, фамильное

кольцо подполковника, железную этикетку, снятую с самолета. На этикетке значилось: «Хейнкель-111».

— Вот смотрите, — сказал он, смущаясь и радуясь.

— Целую коллекцию таких штучек соберу. Обещаю вам, товарищи. Вот только рука немного заживет... Обещаю вам: будет надо — опять пойду на таран. До последнего будем их, сволочей, таранить... Не спасутся фашистские гады!

Нет, не спастись фашистским гадам от удара наших самоотверженных советских воинов! Не сдобровать этой поганой нечисти, запакованной земле.

Миллионы молодых патриотов дорогой нашей советской отчизны, — все равно, летчики ли они, танкисты, пехотинцы, колхозники или сталевары, студенты или колбасники, телеграфисты или слесаря, юноши или девушки, — вся наша молодежь скажет подобно юному Герою Советского Союза Виктору Талалихину:

— Иду на таран! Иду на таран!

И протараним мы насмерть жадное фашистское брюхо.